

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).084.2(049.2)

КНИГА Б. Н. МИРОНОВА «СТРАСТИ ПО РЕВОЛЮЦИИ» КАК «ОБРАЗЕЦ» НАУЧНОЙ КРИТИКИ

А. В. Островский

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им.
проф. М. А. Бонч-Бруевича

Статья представляет собою ответ на книгу Б. Н. Миронова «Страсти по революции». В статье обращается внимание на недопустимую в научной среде форму полемики со стороны Б. Н. Миронова, показывается, что он ушёл от обсуждения целого ряда принципиально важных вопросов, отмечается, что, встав на путь корректировки одних своих утверждений, он вступает в противоречие с другими собственными же утверждениями, и опровергаются его новые аргументы.

Ключевые слова: аграрная история, историческая антропология, капитализм, крестьяне, модернизация России, повинности, революция в России, сельское хозяйство, социальное расслоение, уровень жизни.

Сборник статей Б. Н. Миронова «Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации» (М., 2013. 336 с.) представляет несомненный интерес и для понимания нравов в современном научном мире, и для понимания личности автора названной книги.

Сборник состоит из ответов Б. Н. Миронова на полемические выступления, вызванные его публикациями последних лет, прежде всего книгой «Благосостояние населения и революции в имперской России» (М., 2010). В аннотации к сборнику говорится, что его автор является «**последовательным поборником** аргументированной, содержательной и **корректной** критики» (здесь и далее выделено мною. – А. О.)

Так и должно быть, особенно, если учесть, что Б.Н. Миронов – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, известный не только в нашей стране, но и за рубежом.

Между тем знакомство с упомянутым сборником вызывает грустные чувства. Чтобы не быть голословным, предлагаю обратиться к одной из содержащихся в нём статей – «Как ошельмовать книгу»¹. Это отклик на мою

---

¹ *Миронов Б. Н.* Как ошельмовать книгу // *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 151–178.

статью «К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России»². Уже сравнение их названий свидетельствует о степени научной корректности моего оппонента.

А вот её конкретные проявления: «инсинуации» (с. 32), «прямая подтасовка и фальсификация» (с. 151), «ему все – божья роса» (с. 151), «ловить за руку» (с. 151, 171), «пришел, увидел, насмешил» (с. 151), «на каждый чих не наздравствуешься» (с. 151), «ведь мы не в детском саду, не в школе и даже не на лекциях по статистике для начинающих» (с. 152), «верхоглядство» (с. 152), «большой трезвон на совершенно пустом месте» (с. 164), «горе критик» (с. 166), «не поглядев в святцы, да бух в колокол» (с. 168), «ему везде мерещатся подлоги, искажения, натяжки» (с. 171), «искать «блех»» (с. 172), «маниакально» (с. 172), «критиканствовать» (с. 172). «20 тысяч слов лжи» (с. 173), «Беда коль пироги начнет печи сапожник» (с. 173), «Ах, Моська, знать она сильна» (с. 176) и т. д. и т. п.

Неужели сейчас в академической среде это и называется корректностью?

Такое ощущение, будто бы в советские времена Б. Н. Миронов работал в аппарате агитпропа и никак не может избавиться от ввевшегося в него, как угольная пыль в шахтера, характерного для названного учреждения способа выражения. Это стиль не учёного, а посредственного газетного фельетониста.

Неужели автор приведённых строк не понимает, что, используя брань вместо доказательств, пытаясь оскорбить и унижить своего оппонента, он демонстрирует не только свой действительный культурный уровень, но и отсутствие в своём арсенале других, более убедительных аргументов?

Достаточно положить рядом наши статьи, чтобы понять: Б. Н. Миронова не интересует суть спора и его усилия направлены не на защиту своих утверждений, ставших объектом критики, а на дискредитацию оппонента. Об этом свидетельствует уже начало названной публикации: «В своём ответе на первую статью А. В. Островского (далее. – А. О.) я доказал, что он не имеет достаточной компетенции для роли эксперта в исторической антропометрии. По академическим традициям следовало извиниться и остановиться. Увы! Островский вновь берётся судить о предмете, которым не владеет»³.

Между тем антропометрический материал занимает в книге Б. Н. Миронова о благосостоянии хотя и значительную, но не бóльшую часть. К этому следует добавить, что в центре нашей полемики находятся ещё две проблемы – состояние зернового производства и социальные отношения в дореволюционной России. Причём проблемы исторической антропометрии рассматриваются в моих статьях преимущественно с источниковедческой точки зрения.

---

² Островский А. В. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории (далее – ВИ). 2011. № 6. С. 129–144.

³ Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 151.

Не желая спорить с Б. Н. Мироновым в том русле, в которое он специально направил полемику, предлагаю вернуться к предмету наших разногласий. Напомню, что основу его книги о благосостоянии составляют три положения: а) на протяжении XIX – начала XX в. зерновое производство как главная отрасль экономики дореволюционной России развивалось успешно, поэтому Россия не только полностью обеспечивала хлебом себя, но и кормила Европу, б) на протяжении этого же столетия эксплуатация основной массы населения – крестьянства снижалась, в) в результате имело место повышение уровня благосостояния населения, показателем чего является увеличение его роста.

Обоснованность этих трёх положений была поставлена мною под сомнение в двух статьях на страницах журнала «Вопросы истории»: в 2010 г.⁴ и в 2011 г.⁵ На первую из них Б. Н. Миронов ответил в 2011 г.⁶, на вторую – сейчас⁷.

«Новая статья А.О. – пишет он, – содержит много *смешных историй*, но я остановлюсь только *на самых смешных*»⁸. Согласитесь, очень корректный, строго научный академический стиль.

Но давайте посмотрим, есть ли причины для смеха, и кто над кем может смеяться.

1

С чего начинается любое исследование?

С выявления источников и сбора информации. В этом отношении Б. Н. Мироновым проделана большая работа. Однако полной ясности о том, что представляет созданный им банк данных, содержащий сведения о росте, нет. На это и было обращено внимание в моих статьях.

Отмечая этот факт, Б. . Миронов пишет: «А.О. обнаружил *якобы ужасные противоречия*: в одном случае я говорю, что моя база антропометрических данных насчитывает 10,3 млн данных, в другом – 11,7, в третьем – 12,7 млн (О., с. 133). И по-прокурорски требует объяснения – откуда такие расхождения, *намекая на грандиозный обман* – шуточное ли дело 2,4 млн новых наблюдений!?»⁹.

Запомним эти слова («якобы ужасные противоречия» и «намекая на грандиозный обман»). Чтобы понять смысл приведённой реплики и искренность возмущения автора приведённых строк, вернёмся к истории вопроса.

Из моей первой статьи: «Сообщив, что ему удалось обнаружить в архивах 306 тыс. индивидуальных и 10,3 млн суммарных данных о росте

---

⁴ *Островский А. В.* О модернизации России в книге Миронова // ВИ. 2010. № 10. С. 119–140.

⁵ *Островский А. В.* К итогам спора о жизненном уровне в дореволюционной России.

⁶ *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии // ВИ. 2011. № 4. С. 122–140.

⁷ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 151–178.

⁸ Там же. С. 151.

⁹ Там же. С. 159.

населения (С. 160), Миронов при составлении таблиц IV.13 (С. 185) и VI.1 (273) без всяких объяснений и уточнений использует суммарные сведения об 11,7 млн чел. Разница в 1,4 млн»¹⁰.

Отметив данный факт, я ограничился только вопросом: в чём причина такого расхождения? И всё. Без каких-либо намёков и прокурорских требований¹¹. Имел ли я право на такой вопрос? Конечно. Более того, обнаружив подобное расхождение, я обязан был обратить на него внимание. Ведь если у автора есть сведения о 10,3 млн чел., а суммирование отдельных показателей даёт в итоге 11,7 млн, это может означать, что при подсчётах допущена ошибка. Но тогда под сомнением оказывается весь динамический ряд об изменении роста новобранцев.

Как объяснил отмеченное расхождение Б. Н. Миронов в своей первой статье: «10,3 млн – это число новобранцев по Европейской России, Предкавказью и Сибири, а 11,7 млн – с учётом Польши, Средней Азии и Кавказа (ссылка 12 на с. 193–195 книги. – *А. О.*). Сквозной анализ за все 220 лет осуществляется без трёх последних регионов, поэтому сведения по ним за 1852–1892 гг. в общую сводку не включены»¹².

Прочитав эти строки, я испытал чувство стыда по поводу своей невнимательности, открыл книгу на указанных страницах, но не обнаружил там ничего, что подтверждало бы приведённые слова. *Ни-че-го*. Любой, кто обратится к этим страницам, может увидеть, что это часть шестого параграфа «Данные о месте рождения», в котором анализируются только индивидуальные показатели. Поэтому здесь не говорится ни о 10,3, ни о 11,7 млн новобранцев. Эти цифры на указанных автором страницах не фигурируют вообще¹³.

Отметив этот возмутительный с точки зрения научной этики приём (отсылка к несуществующим сведениям) я не стал обвинять Б.Н. Миронова во лжи, ограничившись лишь фразой «Приём не очень корректный»¹⁴.

В своём ответе на мою первую статью Б. Н. Миронов утверждал неправду и тогда, когда писал, что 11,7 млн человек – это «с учётом Польши, Средней Азии и Кавказа», а 10,3 млн – «это число новобранцев по Европейской России, Предкавказью и Сибири» и что именно этот, последний показатель (10,3 млн чел.) без «трёх регионов» он использовал для «сквозного анализа».

Чтобы не быть голословным предлагаю обратиться к названным таблицам IV.13 и VI.1. Вот конкретные цифры, которые использованы Б. Н. Мироновым для «сквозного анализа» и которые, по его словам, в сумме составляют 10,3 млн чел.:

¹⁰ *Островский А. В.* О модернизации... С. 121.

¹¹ Там же.

¹² *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии. С. 125.

¹³ *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века: 1-е изд. М., 2010. С. 193–195

¹⁴ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 133.

Дата	Таблица IV.13	Таблица VI.1	Расхождение
1851–1855	519891	519535	356
1856–1860	1081102	1069756	11346
1861–1865	1103174	1090178	12996
1866–1870	1249421	1247094	2327
1871–1875	1334117	1332388	1729
1876–1880	1446169	1444557	1612
1881–1885	1921799	1920601	1198
1886–1890	2164105	2163123	982
1891–1895	852110	850701	1409
Итого	11671888	11637933	32955

Источник: Миронов Б. Н. *Благосостояние населения и революции в имперской России*: 1-е изд. С. 185, 273.

Оказывается, и цифра «10,3 млн» применительно к «сквозному анализу» – выдумка. В одном случае суммирование конкретных данных даёт итог 11,7 млн чел., в другом – 11,6 млн. Если бы нечто подобное Б. Н. Миронов обнаружил у меня, он не постеснялся бы назвать это жульничеством.

Между тем, дело не только в том, что показатель 11,7 млн человек отсутствует в первом издании книги о благосостоянии на указанных Б. Н. Мироновым страницах, *его вообще нет в книге*. Это результат *моего* подсчёта конкретных данных, фигурирующих на её страницах (таблица IV.13 (с. 185) и таблица VI. 1 (с. 273). В первом издании книги на этот счёт прямо и чётко сказано: «База данных включает 306 тыс. индивидуальных данных и **около 10 млн.** суммарных сведений»¹⁵, «**всего** за 1874–1913 гг. в армию поступило и подверглось медицинскому освидетельствованию **10,3 млн.** новобранцев»¹⁶. И всё.

Это означает, что Б. Н. Миронов ввёл читателей в заблуждение не только, когда отослал их к указанным выше страницам, на которых нет названной им информации, не только, когда неправильно указал итог суммирования конкретных данных (10,3 млн вместо 11,7 млн), но и когда заявил, будто я неправильно истолковал две разные цифры (хотя одной из них – 11,7 млн – в первом издании его книги нет вообще).

Как реагирует Б. Н. Миронов на моё замечание по этому поводу сейчас: «Я уже *объяснял* в ответе на первую его статью, что 10,3 млн относятся к России без национальных окраин в **1701–1920 гг.**, 11,7 млн – ко всей территории империи. Третья цифра, 12,7 млн наблюдений, включает не только период империи, но и весь XX век, т. е. 1701–2000 гг.»¹⁷.

Как же можно утверждать «*объяснял*», если ничего подобного в первой статье нет, а содержащиеся в ней «объяснения» – сознательная дезинформация. Опять бесцеремонный обман читателей.

¹⁵ Миронов Б. Н. *Благосостояние населения и революции в имперской России*. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 159.

¹⁷ Миронов Б. Н. *Страсти по революции*. С. 159.

Чтобы иметь на этот счёт более наглядное представление, предлагаю сравнить первое и второе издания книги по вопросу о банке данных.

Первое издание	Второе издание
<p>«База данных включает 306 тыс. индивидуальных данных и около 10 млн. суммарных сведений» (С. 22).</p> <p>«Всего за 1874–1913 гг. в армию поступило и подверглось медицинскому освидетельствованию 10,3 млн. новобранцев» (С. 159).</p> <p>«Суммарные данные из Российского государственного исторического архива» — 10283780 человек (С. 160).</p> <p>«Чтобы ответить на второй вопрос, следует оценить полноту и надежность тех 306 тыс. индивидуальных и 10,3 млн суммарных данных обо всех новобранцах, призванных под ружье в 1874-1913 гг., которые имеются в нашем распоряжении» (С. 160).</p>	<p>«База данных включает 306 тыс. индивидуальных и около 11,7 млн суммарных сведений» (С. 20).</p> <p>«Всего за 1874–1913 гг. в армию поступило и подверглось медицинскому освидетельствованию 11,7 млн. новобранцев» (С. 143).</p> <p>«Суммарные данные из Российского государственного исторического архива» — 11661823 человек (С. 144).</p> <p>«Для мужчин, родившихся в 1852–1892 гг., использованы суммарные сведения о 11,7 млн лиц, поступивших в солдаты» (С. 145).</p>

Что получается? В 2010 г. Б. Н. Миронов утверждал, что *всего* с 1874 по 1913 г. в армию было призвано **10,3** млн чел. и в его распоряжении имеются сведения «обо *всех* новобранцах, призванных под ружьё в 1874–1913 гг.» (10283780 чел.), а буквально через два года *без всякого объяснения* пишет, что на самом деле в армию было призвано **11,7** млн. человек и обо всех он тоже располагает данными (11661823 чел.).

Я плохо знаком с современными академическими порядками, но мне кажется, что так делать нельзя.

Увеличив показатель общей численности новобранцев на 1,4 млн человек, Б. Н. Миронов хотя и устранил отмеченное мною противоречие между общими (10,3 млн) и конкретными данными (11,7 млн), используемыми для «сквозного анализа», но оказался перед новым противоречием.

Если для изучения динамики роста новобранцев 1851–1895 гг. рождения были использованы данные только о 10,3 млн человек, Б. Н. Миронов обязан объяснить, почему суммирование конкретных данных даёт в итоге не 10,3, а, как минимум, 11,6 млн человек? Если же в первом издании здесь была допущена опечатка или же ошибка, требуется ответ, почему она не исправлена во втором?

Если же здесь нет ни ошибки, ни опечатки, и 11,7 млн человек это новобранцы всей Российской империи (без Финляндии), на чём он настаивает теперь, то использование этих данных для «сквозного анализа» динамики роста новобранцев 1851–1895 гг. рождения

недопустимо, так как эти данные несопоставимы с данными до 1851 г. и после 1895 г.

Без устранения этого противоречия, получается, что и в одном, и в другом случае весь динамический ряд, демонстрирующий изменение роста за 220 лет – фикция.

Между тем вопрос о базе имеющихся в распоряжении Б. Н. Миронова антропометрических данных не ограничивается этим. В первом издании его книги о благосостоянии есть таблица (IV.9) (во втором издании она исчезла, см. С. 166–167). Из этой таблицы явствует, что, кроме суммарных данных о новобранцах 1851–1895 гг. рождения, автор располагает суммарными данными о рекрутах 1816–1835 гг. рождения – 1,9 млн человек¹⁸. В этой же книге имеется таблица IX.21, в которой указано, что с 1817 по 1850 г. было обследовано 4,4 млн рекрутов¹⁹. Добавляем их к 10,3 млн, получаем 14,7 млн., добавляем к 11,7 млн., получаем 16,1 млн.

Возможно, здесь есть какая-то «источниковедческая» тонкость, которая ускользнула от моего внимания. Но чтобы у читателей не возникало сомнений и подозрений, автор обязан объяснить, почему в базу его данных не были включены имеющиеся у него сведения о росте 4,4 млн человек. Ведь речь идёт не о пустяке.

«По мнению А. О., – пишет Б. Н. Миронов в своём фельетоне далее, – я неправильно соединяю динамические ряды длины тела за 1701–1852 гг. и 1853–1892 гг. и манипулирую методикой расчёта среднего роста за 1853–1892 гг. по суммарным данным, вследствие чего создаётся ложная картина динамики среднего роста населения не только в пореформенный период, но и, возможно, в период империи в целом»²⁰.

Б. Н. Миронов снова искажает мою позицию. Прежде всего речь идёт не о «методике расчёта», а о неоднородности используемых сведений. Причём когда-то он сам обращал внимание на это и делал вывод, что имеющиеся в его распоряжении данные «некорректно объединять в единый статистический ряд», что эти показатели «лишь с натяжкой можно соединить» в единый динамический ряд, так как **«данные о росте рекрутов до и после 1874 г. не сопоставимы»**²¹.

Но дело заключается не только в неоднородности объединённых в единый динамический ряд данных, но и в колебаниях абсолютных показателей. Если сравнить первое и второе издание книги Б. Н. Миронова «Социальная история России», то мы увидим, что с 1999 по 2000 г. новобранцы 1851–1895 гг. рождения подросли на 4,0 см.²² Автор объяснил это обнаружением им в архиве более точных источников и

¹⁸ *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 473; 2-е изд. М, 2012. С. 384.

²⁰ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 159.

²¹ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.: в 2 т.: 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 340–341, 344, 345.

²² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.: в 2 т.: 1-е изд. СПб., 1999. Т. 2. С. 338, 345; 2-е изд. СПб., 2000. Т. 2. С. 338, 345.

усовершенствованием методики подсчётов²³. Затем по тем же более надёжным источникам и на основании той же усовершенствованной методики подсчётов с 2000 по 2002 г. новобранцы стали на 2 см короче. На этот раз без всяких объяснений²⁴. С 2002 по 2010 г. они опять подросли – теперь на 2,5 см. И снова без каких-либо комментариев²⁵.

Обратив внимание на такую «пляску цифр», я попросил Б. Н. Миронова объяснить её причину. И вот его ответ: «Несмотря на все мои старания, оппонент так и не уяснил: какой бы методикой ни пользоваться при расчёте средней арифметической, позитивный тренд в динамике за 1853–1892 гг. не станет негативным. Может измениться только абсолютная величина роста, но за все годы периода и на одну и ту же величину (будь то 2.4 или 4.5 см)»²⁶.

Во-первых, неужели Б. Н. Мионов не понимает, что в данном случае речь прежде всего идёт не о «тренде», а о происхождении и достоверности лежащих в его основе показателей? Как можно доверять демонстрируемым им «трендам», если нет доверия к отражающим их данным? А какое доверие может быть к данным, которые извлечены из одного и того же источника, но от публикации к публикации непонятным образом изменяются?. Во-вторых, неужели Б. Н. Мионов не понимает, что даже если оставить в стороне вопрос о достоверности, отнюдь не безразлично какими являются абсолютные показатели за 1853–1892 гг. рождения, так как от этого зависит, как они вписываются в единый динамический ряд за все 220 лет, т. е. как согласуются с данными до 1853 и после 1892 г.?

Далее в моей статье было отмечено, что «цифры пляшут» и на других страницах публикаций Б. Н. Миронова. В связи с этим приведены показатели а) **1851–1895** гг., б) **1851–1860** гг., в) **1801–1900** гг., и г) **XVIII** в.²⁷

В отношении **первого примера** Б. Н. Мионов пишет: «На самом деле противоречий нет, а есть либо *верхоглядство*, либо *непрофессионализм*, а вероятнее всего, *подтасовка* со стороны моего критика... Сведения о среднем росте отличаются и *должны* отличаться, потому что относятся к **разным совокупностям** – к разным категориям новобранцев и к различному числу наблюдений». И далее: «С. 185: Рост новобранцев в возрасте *старше 20 лет* по всем **суммарным** данным (11,7 млн наблюдений за 1851–1895 гг.). С. 273: Рост новобранцев по **суммарным и индивидуальным** данным в возрасте *старше 23 лет* (индивидуальных данных 50,9 тыс.). (С. 473: Рост всех новобранцев,

---

²³ Там же. С. 338.

²⁴ *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи: 3-е изд. Т. 2. С. 338.

²⁵ *Мионов Б. Н.* Благосостояние население и революции в имперской России: 1-е изд. С. 185.

²⁶ *Мионов Б. Н.* Страсти по революции. С. 159.

²⁷ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 132.

принятых на действительную службу, по суммарным данным (число наблюдений 2,7 млн)»²⁸.

Во-первых, ничего подобного в тексте книги нет. В табл. IV.13 указано: «*рост рекрутов*» (правильнее было бы сказать новобранцев, так как рекрутские наборы к этому времени были отменены) (с. 185), в таблице VI.1 – «*рост новобранцев*» (с. 273), в таблице IX.21 – «*рост рекрутов*» (тоже правильнее – новобранцев) (с. 473). И никаких пояснений²⁹.

Что же касается утверждения Б. Н. Миронова, будто данные из таблицы VI.1 характеризуют «рост новобранцев по индивидуальным и суммарным данным»³⁰, то это не только никак не оговорено в тексте, но и не соответствует содержанию названной таблицы. В ней использованы индивидуальные данные о росте 50,9 тыс. чел., а если верить Б. Н. Миронову, за 1851–1895 гг. он располагает индивидуальными сведениями максимум о 15,9 тыс. новобранцев³¹.

Не может быть принято и пояснение Б. Н. Миронова относительно того, что на с. 185 приведены данные о росте новобранцев с 20 лет, а на с. 273 – с 23 лет, так как суммарные данные не содержат разделения новобранцев на возрастные группы. Это данные о росте лиц мужского пола не моложе 20 лет.

Что касается таблицы на с. 473 г. то ни в примечаниях к ней, ни в тексте книги не оговорено, что приводимые в ней данные характеризуют рост только 2,7 млн чел. Поэтому у меня были все основания считать, что приводимые в трёх указанных таблицах сведения основаны на суммарных данных, характеризуют рост всех новобранцев и по этой причине должны быть одинаковыми³².

Второй пример – разницей в определении роста рекрутов 1851–1860 г. рождения. Сказанное только что по поводу таблиц IV.13, VI.1, IX.21 полностью относится и к этому примеру, поскольку в трёх случаях соответствующие данные за 1851–1860 гг. были извлечены из указанных таблиц. Против двух фактов Б. Н. Миронов не только не стал спорить, но даже не упомянул их³³. В двух случаях мною, к сожалению, были допущены ошибки, по поводу чего я приношу извинения.

Третий пример. Упрёк Б. Н. Миронова справедлив, но ответственность за допущенную мною ошибку, следует разделить на

---

²⁸ *Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 152–153.*

²⁹ *Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: 1-е изд. С. 185, 273, 473.*

³⁰ *Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 153.*

³¹ *Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: 1-е изд. С. 162 (таблица IV. 2).*

³² Показательно, что таблица IV.13 (С.185) во второе издание не включена (С. 167–171); в табл. VI.1 (с. 273) – во втором издании указано, что это данные о росте новобранцев и рабочих (с. 213), в таблице IX.21 (с. 473) во второе издание не включена последняя графа – «рост рекрутов» (с. 384).

³³ *Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 153–154.*

двоих. «Первая цифра – пишет он, – рост **новобранцев**, вторая цифра – рост **мужчин** референтной группы»³⁴. Если бы в указанных таблицах действительно имелись такие графы, ошибки бы не произошло. На самом деле в одном случае значится: – «рост **новобранцев**», во втором – «рост **мужчин**», в третьем – просто «*рост*»³⁵. Поскольку при этом автором не было оговорено, что под «ростом мужчин» имеется в виду «рост референтной группы», «рост мужчин» был ошибочно принято мною за «рост новобранцев», о чём я сожалею.

Четвёртый пример – данные за XVIII в. Должен признаться, что в целях экономии места я действительно на основании средних пятилетних данных в четырёх из пяти случаев вывел средние десятилетние. В связи с этим Б. Н. Миронов прав: в его публикациях приведённых мною цифр нет.

Однако если бы средние пятилетние показатели во всех публикациях были одинаковыми, одинаковыми были бы и рассчитанные на их основе средние десятилетние цифры. Если же средние десятилетние показатели не совпадают, это отражает расхождение в тех средних пятилетних данных, на основании которых они выведены. Это настолько очевидно, что данный факт вынужден признать сам Б. Н. Миронов: «Цифры среднего роста, – пишет он, – в некоторых случаях несущественно различаются»³⁶. Из-за чего же тогда спор?

А спор из-за того, что, по утверждению Б. Н. Миронова, отмеченные мною и признаваемые им расхождения не вносят никаких изменений в общую динамику роста³⁷. Насколько это утверждение соответствует действительности, судите сами (табл. 1):

Таблица 1

Пик максимального роста в России XVIII в.

Источник	2001	2003	2004	2005	2010
Островский	1741–1750	1701–1710	1701–1710	1741–1750	1721–1730
Рост	164,8	164,7	165,0	164,9	165,1
Миронов	1740–1744	1700–1709	1700–1704	1745–1750	1721–1725
Рост	164,9	164,7	165,4	165,1	165,7

Источники: *Миронов Б. Н.* Бремя величия. Военные победы и уровень жизни россиян в XVIII в. // Родина. 2001. № 9. С. 33; *Его же.* Социальная история России периода империи: 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 346; *Его же.* Антропометрический поход к изучению благосостояния населения России в XVIII в. // Отечественная история. 2004. № 6. С. 22; *Его же.* Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 242; *Living standards in the past: New perspectives on well-being in Asia and Europe.* Oxford, 2005. P. 259.

В 2001 г. Б. Н. Миронов рисовал картину повышения роста рекрутов до и снижения после 1740–1744 гг. В публикациях 2003–2004

³⁴ Там же. С. 154.

³⁵ *Миронов Б. Н.* Благосостояние население и революции в имперской России: 1-е изд. С. 273, 284, 293.

³⁶ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 157.

³⁷ Там же.

гг. весь XVIII в. характеризовался сокращением показателей роста. В книге о благосостоянии указано, что повышение роста имело место до 1721–1725 гг., после чего он начал сокращаться.

Несмотря на это, а правильнее будет сказать, вопреки этому, Б. Н. Мионов пишет: «Выводы относительно тенденций в динамике роста, которые я сформулировал в ранних работах, в принципе не изменились вплоть до настоящего времени». Следующие за этим слова о «намеренной фальсификации», адресованные, правда, мне, опускаю³⁸.

В связи с рассмотрением сведений за XVIII в. мы выходим на принципиально важную проблему. Отметив, что полученные им на основании индивидуальных данных показатели среднего роста имеют «предварительный характер», Б. Н. Мионов сделал вывод, с которым нельзя не согласиться: «Процесс корректировки полученных мною средних показателей роста будет продолжаться по мере того, как число вводимых в научный оборот данных будет увеличиваться»³⁹.

Следовательно, возможны и дальнейшие изменения в общей динамике роста. Но в таком случае следует признать, что рисуемая на основании индивидуальных данных картина имеет лишь вероятностный характер (причём это касается не только XVIII в., не только всего периода до 1851 г., но и периода после 1895 г.). А значит, жёстко привязывать к ней конкретные исторические события и делать на основании этого далеко идущие выводы нельзя.

В заключение этого раздела несколько слов о нормальном законе распределения роста.

Вот текст из книги Б. Н. Мионова, который вызвал мою реплику на этот счёт: «Статистическая теория ясно говорит о подобных случаях: **некорректно сравнивать усеченные выборочные средние, если ценз не одинаковый во всех выборках**. Проблема усечённости выборки, вызванная ростовым цензом, **решается по-разному**. В настоящее время в исторической антропометрии **принято**, что оптимальное решение проблемы даёт **метод максимального правдоподобия**, который по известной части распределения восстанавливает отсечённую, благодаря тому, что нам известен **нормальный закон распределения роста** и точка усечения (**она легко определяется по гистограмме**)»⁴⁰.

«Этот аргумент, – сказано в моей статье, – может быть принят во внимание», но «только в том случае, если автор а) изложит суть названного им закона, б) укажет, когда, кем и на основании чего он был открыт и в) приведёт доказательства его общепризнанности»⁴¹.

---

³⁸ Там же. С. 157.

³⁹ Там же. С. 157. См. так же: с. 172.

⁴⁰ *Мионов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. 1-е изд. С. 103.

⁴¹ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 130.

Делать это, заявил мой оппонент, это всё равно, что доказывать закон всемирного тяготения⁴². Б. Н. Миронов, мягко говоря, лукавит. Ему хорошо известно, что закон всемирного тяготения изучают во всех школах, а нормальный закон распределения роста даже не во всех вузах. Буду очень рад за него, если в родном ему СПбИИ РАН он найдет ещё хотя бы одного историка, знакомого с законом распределения роста. Уверен, что их немного и среди читателей «Вопросов истории».

Исходя из всего сказанного, считаю возможным повторить общий вывод моей первой статьи, касающийся того, что Б. Н. Миронов называет «биологическим статусом»: «... антропометрическая часть рассматриваемой книги не позволяет *пока* делать какие-либо заключения о реальной динамике роста не только всего мужского населения, не только взрослого мужского населения, но и военнослужащих России, и тем более использовать этот материал для характеристики жизненного уровня населения страны»⁴³.

2

«Второй блок замечаний, – пишет Б. Н. Миронов, – касается сельскохозяйственной статистики. Как и в первой своей статье (ВИ, 2010, № 10) ей посвящено избыточно много места – почти пятая часть. Суть возражений, не вдаваясь в детали, сводится к следующему: по мнению А. О., официальная статистика точно отражала посевную площадь и урожайность и соответственно сбор хлебов, а по моему мнению, – сбор хлебов занижался не менее чем на 10 %. Все рассуждения со стороны оппонента носят спекулятивный характер» (спекулятивный – т. е. умозрительный. – А. О.)⁴⁴.

И снова неправда.

Во-первых, «второй блок» посвящён не сельскохозяйственной статистике, а динамике зернового производства в 1801–1913 гг.⁴⁵ Во-вторых, официальная статистика (и это Б. Н. Миронов хорошо знает) не была однородной и включала в себя данные губернаторских отчётов, Центрального статистического комитета и Департамента земледелия⁴⁶. В-третьих, я никогда и нигде не писал, что «официальная статистика точно отражала посевную площадь и урожайность», речь шла и идёт только о том, что из трех видов официальных данных, на мой взгляд, данные ЦСК являются самыми точными⁴⁷. В-четвёртых, я не отрицаю того факта, что данные губернаторских отчётов занижали уровень

⁴² Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 157–159.

⁴³ Островский А. В. О модернизации России... С. 122.

⁴⁴ Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 160.

⁴⁵ Островский А. В. О модернизации России... С. 123–129; *Его же*. К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 133–138.

⁴⁶ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: 1-е изд. С. 287–292.

⁴⁷ Островский А. В. О модернизации России... С. 126–128.

зернового производства, но считаю, что степень этого занижения до сих пор не установлена или же, что точнее, установлена лишь приблизительно⁴⁸.

Я мог бы задать Б. Н. Мионову вопрос его же словами: что это – «верхоглядство», «непрофессионализм» или «подтасовка»? Но не буду этого делать. Мне кажется, и так всё ясно.

Пытаясь поставить данные ЦСК под сомнение, Б. Н. Мионов использует уже оспоренный мною «балансовый метод», суть которого сводится к тому, что вначале определяется потребность в хлебе, затем этот показатель соотносится с имеющимися данными о его производстве и в результате определяется степень занижения или завышения реальных сборов⁴⁹.

Это всё равно, если бы мы установили, что пенсионеру для нормального проживания необходимо 20 тыс. руб., затем соотнесли этот показатель с официальными данными о его пенсии (10 тыс. руб.) и сделали вывод, что официальная статистика занижает размер реально получаемой пенсии.

Проделав подобный расчёт, Б. Н. Мионов пишет: «Получается: в 1901–1913 гг. производство зерновых и картофеля по официальным сведениям ЦСК было недостаточным для удовлетворения всех потребностей населения при нормах фуража, принятых А. О. Если учесть только фураж на лошадей, то дефицит составит 13,7 % в 1901–1910 гг. и 7,4 % в 1909–1913 гг. Если же учесть фураж для всего скота, то дефицит увеличится до 27,1 % и 19,7 % соответственно»⁵⁰. «Отсюда, – считает мой оппонент, – *следует*: при нормах фуража, на которых настаивает А. О., официальные данные преуменьшали сборы хлебов на 20–27 %»⁵¹.

Ничего подобного из этого не следует.

Даже если допустить правильность сделанных расчётов, из них может следовать и то, что крестьяне и скот не получали необходимого хлеба⁵² (как нищенствуют сейчас многие неработающие пенсионеры), и то, что недостаток хлеба восполнялся за счёт других видов питания и кормов.

Мною показано, что Россия начала XX в. могла удовлетворять свои продовольственные потребности в хлебе, но не могла удовлетворять потребности фуражные. В связи с этим имело место использование различных суррогатов, одним из которых являлась солома.

---

⁴⁸ Там же. С. 123.

⁴⁹ Там же. С. 126.

⁵⁰ *Мионов Б. Н.* Страсти по революции. С. 160.

⁵¹ Там же.

⁵² Этот факт допускает и мой оппонент. «Предполагаю, – пишет он, – А. О. своим расчёте использует оптимальные нормы корма, рекомендованные специалистами, а реальные нормы потребления корма в крестьянском хозяйстве были ниже» (*Мионов Б. Н.* Страсти по революции. С. 163. См. также: с. 164)

Использование суррогатов было распространено настолько широко, что они даже вошли в справочную литературу⁵³.

Этим ограничивается почти всё, что Б. Н. Миронов пишет по «второму блоку» моих возражений. Неужели по другим вопросам у нас полное единство взглядов? Ничего подобного. Почему же автор обходит другие замечания стороной?

Вот что, демонстрируя в очередной раз свою академическую корректность, пишет он на этот счёт: «Новая статья А. О. содержит много смешных историй, но я остановлюсь только на самых смешных, ибо большинство его замечаний, хотя и *забавны* по-своему, не заслуживают упоминания – настолько они *мелки, беспомощны, наивны, надуманны* и *фальшивы*»⁵⁴. И далее: «Мне *неловко* постоянно *ловить его за руку*, а ему *все – божья роса*. Однако оппонент почему-то думает, что если я оставляю его замечание без комментария, то *мне нечего сказать*, и *я признаю его правоту*. На самом деле здесь, как и в предыдущей статье, я вынужден руководствоваться поговоркой: «*На каждый чих не наздравствуешься*»⁵⁵.

Я плохо представляю тот язык, на котором сейчас говорят в стенах Академии наук. Но невольно вспоминаются слова самого Б. Н. Миронова, сказанные им по другому поводу: «Признаюсь, – с возмущением пишет он, – большего хамства в академической работе мне встречать не приходилось. Это стиль жёлтой прессы»⁵⁶. Так точно, как будто бы о самом себе.

Но давайте посмотрим, что мой оппонент отнёс к области «чиха», насколько мои замечания, не удостоенные его внимания, «*забавны*», «*мелки, беспомощны, наивны, надуманны* и *фальшивы*».

Первое. Б. Н. Миронов оставил без возражения замечания, на основании которых мною была поставлена под сомнение корректность реконструированной им динамики зернового производства как в 1801–1861 гг., так и в 1861–1913 гг.

Несмотря на мои обращения, он так конкретно и не указал источники, использованные им для реконструкции динамики зернового производства с 1801 по 1860 г.⁵⁷ Даже уточнение, которое он сделал во втором издании своей книги о благосостоянии, похоже на отписку. Если данные за *1801–1810 гг.* – это данные Е. Ф. Зябловского, требуется объяснить, почему они на 24 % больше, чем данные И. Д. Ковальченко; если это данные В. К. Яцунского, они несопоставимы с данными за последующие годы, так как откорректированы названным автором. Если данные за *1811–1820 гг.*, заимствованы у И. Д. Ковальченко, они несопоставимы с данными до 1811 и после 1820 гг., так как относятся только к 16 из 50 губерний. Если данные *1821–1830 гг.* взяты у

⁵³ *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX–XX в. СПб., 2013. С. 192–283.

⁵⁴ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 151.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 81.

⁵⁷ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 133–135.

Е. Ф. Зябловского, нужны доказательства правомерности их отнесения к указанному десятилетию. Наконец, если данные за **1831–1840 гг.** – это данные П. Кеппена, то они, судя по всему, имеют расчётный характер; если же это данные Д. Протопопова, то они не совсем сопоставимы с данными за другие десятилетия, так как охватывают семь из десяти лет.

К этому можно добавить, что Б. Н. Миронов не доказал сопоставимость показателей за 1801–1840 (без учёта картофеля) и 1841–1860 гг. (с учётом картофеля), не раскрыл методику перевода четвертей в килограммы и тонны, не обосновал правомерность использованного им 10 %-го поправочного коэффициента к данным о посеве и сборе хлебов.

Второе. Подобным же образом обстоит дело с динамикой зернового производства 1861–1913 гг. Во-первых, к 2011 г. Б. Н. Миронов предложил нам три динамических ряда (2002, 2008, 2010), характеризующих развитие зернового производства в пореформенный период. Поэтому мною был поставлен вопрос о необходимости объяснить, чем вызвана такая коррективировка и чему доверять⁵⁸.

Во-вторых, указанные Б. Н. Мироновым во всех трёх публикациях источники не позволяют построить ни один динамический ряд за весь период с 1861 по 1913 г., так как не содержат сведений о посеве и чистом сборе хлебов в начале XX в., на что мною тоже было обращено внимание⁵⁹.

В-третьих, Б. Н. Миронов искажает динамику зернового производства на рубеже XIX–XX вв., так как использует несопоставимые данные губернаторских отчётов до конца XIX в. и ЦСК для начала XX в. (факт, хорошо ему известный)⁶⁰.

В-четвёртых, предприняв попытку восстановить картину развития зернового производства за 1801–1913 гг., Б. Н. Миронов без всякого объяснения пропустил 1901–1908 гг.⁶¹, что лишает его выводы, касающиеся начала XX в., убедительности. Нельзя признать корректным и то исправление этого недостатка, которое предпринято во втором издании книги (1891–1900, 1901–1910, 1909–1913 гг.)⁶².

Поэтому вынужден повторить свой прежний, достаточно дипломатичный вывод: реконструированная Б. Н. Мироновым динамика зернового производства в 1801–1860 гг. и в 1861–1913 гг. имеет лишь ориентировочный или же гипотетический характер.

Третье. Б. Н. Миронов проигнорировал мои замечания относительно правомерности отнесения овса к продовольственным культурам. В обоснование этого мною были приведены не только свидетельства современников, не только позиция таких учреждений как Департамент земледелия, Центральный статистический комитет,

⁵⁸ *Островский А. В.* О модернизации России... С. 125.

⁵⁹ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С.137.

⁶⁰ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 1-е изд. С.288; 2-е изд. С. 224.

⁶¹ Там же. 1 изд. С. 293.

⁶² Там же. 2 изд. С. 237.

Министерство финансов, но и материалы бюджетных обследований⁶³. Может быть, овёс не играл существенной роли в хлебо-фуражном балансе дореволюционной России и я затрагиваю действительно «мелкую», «надуманную» проблему? Нет. До революции на овёс приходилось около 20 % сбора всех зерновых⁶⁴. Поэтому достаточно сделать поправку на него, как в расчётах Б. Н. Миронова весь хлебо-фуражный баланс 1801–1880 гг. окажется отрицательным, баланс 1890-х гг. опустится почти до нуля и только в 1901–1913 гг. составит 18 %.

Четвёртое. Мною поставлены под сомнение использованные Б. Н. Мироновым продовольственная и фуражная нормы.

Напомню о чём спор.

Первоначально Б. Н. Миронов оперировал 287-килограммовой продовольственной и 18-килограммовой фуражной нормами⁶⁵. Когда С. А. Нефёдов обратил внимание на то, что даже в 1917 г., в условиях экономического кризиса, Временное правительство использовало для расчёта фуражного баланса норму «не менее 7,1 пуда (116 кг.)» на человека⁶⁶, а мною было отмечено, что потребность в фуражном зерне в начале XX в. составляла не менее 190 кг. на душу населения⁶⁷, Б. Н. Миронов вдруг заявил, что его неправильно поняли, так как в его книгу вкралась опечатка.

«В книге в табл. VI. 8 на с. 284 приведён расчет потребления **хлеба и фуража** в год на едока – 287 кг. (237 кг.+50 кг.). А 18 кг. – это дополнительное зерно, предназначенное для корма птицы и другой живности в крестьянском дворе, а также для ежегодного внесения в хлебные запасные магазины в размере полпуда (т. е. 8 кг. – *А. О.*) на душу населения. Сказанное в равной мере относится и к расчётам хлебного баланса для пореформенного времени в табл. VI. 12 на с. 293»⁶⁸.

Почему же мы неправильно его поняли? Оказывается, «примечание, объясняющее расчёты в таблицах, при подготовке рукописи к печати было удалено, а подлежащие (название соответствующих боковиков таблицы) в табл. VI 8 и VI.12 остались без изменения»⁶⁹.

⁶³ *Островский А. В.* О модернизации России... С. 124; *Его же.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 136.

⁶⁴ *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. С. 248.

⁶⁵ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 1-е изд. С. 284, 293.

⁶⁶ *Нефёдов С. А.* Россия в плену виртуальной реальности // О причинах революции. М., 2010. С. 353.

⁶⁷ *Островский А. В.* О модернизации России... С. 128–129.

⁶⁸ *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии. С. 131.

⁶⁹ Там же.

На самом деле, как отметил С. А. Нефёдов, 287-килограммовая продовольственная норма была введена Б. Н. Мироновым в оборот за два года до выхода в свет его книги⁷⁰.

Действительно, в 2008 г. в «Уральском историческом вестнике» была опубликована статья автора рассматриваемого сборника «Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.», в которой содержится точно такая же таблица, как и в книге о «Благосостоянии», причём с «пропавшим примечанием». Вот оно: «Индексы рассчитываются, исходя из нормы *хлеба на едока* – 287 кг., норма фуража *на человека* – 18 кг., и, соответственно, нормы хлеба и фуража на человека – 305 кг»⁷¹.

В 2009 г. эта же таблица с 287-килограммовой продовольственной нормой была воспроизведена на страницах «Вестника Санкт-Петербургского университета»⁷². Уже одного этого достаточно, чтобы понять: утверждение Б. Н. Миронова о техническом сбое, происшедшем при публикации его книги, – приём, недостойный уважающего себя автора.

К этому можно добавить, что в своей книге о благосостоянии Б. Н. Миронов посвятил несколько страниц обоснованию необходимого для крестьянина объёма потребления пищи. В основу расчётов им были положены бюджетные данные из книги С. А. Клепикова «Питание русского крестьянства» по 13 губерниям: потребление хлеба – 254,7 кг в год, картофеля – 131,2 кг. Если перевести картофель в хлеб из пропорции 4 к 1, это даст в сумме 287,5 кг, из пропорции 3 к 1 – 298,4 кг., 17,6 пуда в первом случае и 18,2 пуда во втором⁷³.

Этот фрагмент без всяких изменений включён во второе издание книги⁷⁴, хотя здесь фигурирует уже новая 237-килограммовая продовольственная норма⁷⁵. Получается, что одна рука не ведает, что делает вторая. Но разве за всем уследишь?

Вводя новую 237-килограммовую норму, Б. Н. Миронов заявил, что в данном случае он руководствуется той «нормой потребления», которая якобы была «установлена» в 1850-х гг. кадастровыми комиссиями МГИ⁷⁶. Мною уже обращено внимание на то, что в изданиях, на которые дана ссылка, нет никакой продовольственной нормы, а содержатся сведения о реальном потреблении хлеба в трёх губерниях (Владимирской, Московской и Ярославской), сведения, которые

---

⁷⁰ Нефёдов С. А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // ВИ. 2011. № 5. С. 127–128.

⁷¹ Миронов Б. Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в // Урал. ист. сб. 2008. № 3. С. 87 и 92.

⁷² Миронов Б. Н. Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 2, История. 2009. Вып. 1. Ч. 1. С. 84–100.

⁷³ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 460–462.

⁷⁴ Там же. 2-е изд. С. 370.

⁷⁵ Там же. С. 234–237.

⁷⁶ Миронов Б. Н. Страсти по исторической антропометрии. С. 131.

Б. Н. Миронов, вводя читателей в заблуждение, называет «нормой» кадастровых комиссий и распространяет на всю Россию⁷⁷.

Столь же «весом» другой аргумент Б. Н. Миронова – использование 237-килограммовой нормы Центральным статистическим комитетом. Как показано мною, в издании, из которого заимствован приведённый показатель, прямо сказано, что он «много ниже действительности», а в комментариях современников отмечалось, что «это та норма, по которой рассчитывалась правительственная помощь в годы минувшего неурожая»⁷⁸.

Пятое. Подобным же образом обстоит дело с фуражной нормой. Первоначально Б. Н. Миронов утверждал, что «норма фуража *на человека* – 18 кг.»⁷⁹. Причём в ходе дискуссии на страницах электронного альманаха «Клиодинамика», он специально отмечал, что 1,1 пуда (т. е. 18 кг) – это «расход овса на фураж» для кормления *лошадей*⁸⁰. Потом он заявил, что на самом деле «18 кг. – это дополнительное зерно, предназначенное для корма *птицы и другой живности* в крестьянском дворе, а *также для ежегодного внесения в хлебные запасные магазины* в размере полпуда (т. е. 8 кг. – *А. О.*) на душу населения»⁸¹. Во втором издании книги 18 кг на душу населения – это «норма зерна на корм *для птицы* (а как же «другая живность»? – *А. О.*) *и сдачи в хлебозапасные магазины*»⁸².

Подобная разноголосица тоже вызвала у меня вопросы. Как же реагирует на них Б. Н. Миронов?

«*А. О.*, – пишет он, – пытается поставить под сомнение мои данные и расчёты посредством *многочисленных* вопросов. Многие из них напоминают вопросы, которые задают *дети в возрасте 3–5 лет*... Вопросы оппонента, безусловно, свидетельствуют о его большой любознательности. Но я вынужден *многие из них* также оставить без внимания – ведь мы не в детском саду, не в школе и даже не на лекциях по статистике для начинающих. Мы обсуждаем *научную монографию* (автор, видимо, считает, что бывают монографии и ненаучные. – *А. О.*), чтение которой, а тем более экспертиза предполагает наличие у критика элементарных знаний в этой области»⁸³.

Какие же вопросы автор «научной монографии» относит к числу детских?

---

⁷⁷ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 135–136.

⁷⁸ Там же. С. 136.

⁷⁹ *Миронов Б. Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в. С. 87, 92; *Его же.* Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. С. 84–100.

⁸⁰ *Миронов Б. Н.* Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах русской революции. С. 123.

⁸¹ *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропологии. С. 131.

⁸² *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 2-е изд. С. 234, 237.

⁸³ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 151–152.

«Ещё хуже, – писал я в своей второй статье, – обстоит дело с фуражной нормой. В издании, на которое ссылается Миронов, отмечено, что крестьяне Московской и Владимирской губерний тратят на лошадь около четверти овса в год. Но это не норма, а уровень потребления. Поэтому возникают вопросы: откуда взялась новая фуражная норма 2,5 четверти? Как Миронову удалось перевести 2,5 четверти на лошадь в 50 кг. на душу населения? Почему в таком случае он оставил без возражений мой расчёт, в результате которого у меня получилось около 90 кг. на человека? Как совместить это с тем, что в его книге (С. 285) расход овса для содержания лошади в городах определяется “примерно в 8 четвертей в год” (это 44,6 пудов, или же 734 кг на лошадь. – *А. О.*)? можно ли признать достаточным для кормления птицы и “другой домашней живности” (то есть крупного рогатого скота, свиней, овец, коз) – 10 кг. в год, менее 30 г. в день зерна на душу населения?»⁸⁴

Хотя и в своей второй статье, и во втором издании книги о благосостоянии Б. Н. Миронов не ответил на мои «детские» вопросы, но на удивление изъявил готовность сделать шаг вперёд. Первоначально он куражился на страницах «Вопросов истории» по поводу возможности расходования на корм скоту 190 кг хлеба в расчёте на душу населения, выделив в своей статье даже специальный раздел «Как лошади едва не съели русский народ»⁸⁵. Сейчас мой критик готов рассматривать этот показатель, правда, в одном случае называя его «нормой Островского» (это для читателей «Страстей о революции»), в другом «нормой Лосицкого» (для читателей книги о благосостоянии, о нашей полемике им, видимо, лучше ничего не знать)⁸⁶.

Определяя используемую им фуражную норму как «средне – минимальную» (очень оригинальная характеристика), Б. Н. Миронов пишет: «Если же брать оптимальные, т. е. завышенные нормы потребления, то следует сделать поправку на занижение сбора хлебов официальной статистикой»⁸⁷.

Автор «научной монографии», по всей видимости, путает две разные вещи: науку и рынок. Это на рынке можно торговаться. А в науке мы или признаём данные о сборе хлебов заниженными и тогда имеем право внести в них коррективы независимо от используемых нами норм потребления, или же признаём данные о сборе хлебов близкими к действительности и тогда используем их без коррективов тоже независимо от норм потребления.

Таким образом, Б. Н. Миронов продемонстрировал, что у него нет убедительных аргументов для обоснования новых продовольственной и фуражной норм. А это значит, что основанный на них хлебо-фуражный баланс имеет умозрительный характер. Достаточно принять во внимание сделанные мною замечания, которые объявлены моим оппонентом недостойными его

⁸⁴ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 136.

⁸⁵ *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии. С. 131.

⁸⁶ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 160–163; *Его же.* Благосостояние населения и революции в имперской России: 2-е изд. С. 230.

⁸⁷ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 164.

внимания, и вся реконструированная им картина развития зернового производства Европейской России с 1801 по 1913 гг. разрушится.

В отличие от Б. Н. Миронова мне не смешно, а горько. Неужели это – академический уровень нашей современной исторической науки?

3

«Третий блок» проблем связан с социальными отношениями. Главная идея Б. Н. Миронова: XIX – начало XX в. характеризовались ослаблением эксплуатации крестьянства.

Рассматривая её изменение в государственной деревне 1801–1860 гг., он использовал для этого данные только о подушной и оброчной подати, забыв о возможности пренебречь «натуральными повинностями» вследствие их незначительности⁸⁸.

В связи с этим мною было обращено внимание на два факта: а) в одном случае натуральные повинности оцениваются в 62 коп. (с. 302), в другом – в 3,52 руб. (с. 318) и б) учёт динамики лишь одних проигнорированных Б. Н. Мироновым земских повинностей *перечёркивает* его вывод о снижении уровня эксплуатации государственных крестьян в первой половине XIX в.⁸⁹

В своём первом ответе Б. Н. Миронов полностью обошёл стороной вопрос о земских повинностях (разве это не пустяк?), а вопрос о повинностях натуральных объяснил опечаткой⁹⁰.

В связи с этим мною было обращено внимание как на то, что мой оппонент проигнорировал моё замечание о земских повинностях, так и на то, что объявленная им опечатка, не устранив отмеченного противоречия, породила новые.

«Новых высот сравнительно с первой критической статьей, – иронизирует Б. Н. Миронов, – А. О. достиг в разделах, посвящённых повинностям и стратификации крестьян. В своей первой статье он раздул одну незначительную опечатку (о величине натуральных повинностей в 1849 г.) в принципиальную ошибку – но там хоть имелось маленькое основание – *опечатка*. На этот раз он поднимает ещё больший трезвон на совершенно пустом месте, точнее на собственной ошибке, выдавая её за мою. Как оказывается, моя опечатка не при чём (зачем же было поднимать столько шума!?) и без опечатки мой расчёт всё равно не верен. Приведу центральное рассуждение целиком»⁹¹.

Далее автор цитирует текст из моей второй статьи:

⁸⁸ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 1-е изд. С. 300–302.

⁸⁹ *Островский А. В.* О модернизации России... С. 129–130.

⁹⁰ *Миронов Б. Н.* Страсти по антропометрии... С. 133–134.

⁹¹ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 164–165.

«Данная «опечатка» действительно никак не повлияла на «расчёты и выводы» Миронова. И это как раз странно. «Исходя из незначительности величины натуральных повинностей», он свел казённые платежи крестьян в 1850-х годах только к подушной подати в размере 95 копеек. А куда делись ещё 2,57 руб. (3,52 – 0,95)? Но если 3,52 руб. – это подушная подать и натуральные повинности, как это согласовать с тем, что, по утверждению самого же Миронова, подушная подать в 1841–1858 гг. была равна 95 коп., а натуральные повинности – 62 коп. (Благосостояние, с. 300, 302, 317), итого 1,57 рубля? Как тогда следует понимать следующие его слова: «По официальным данным, в 1849 г. в среднем по 44 губерниям Европейской России все денежные платежи (включая земские повинности) помещичьих крестьян в пользу государства достигали 1,47 руб. сер. на душу мужского населения, натуральные повинности без рекрутской (постоянная, подводная и дорожная) в переводе на деньги – 62 коп. сер., рекрутская – примерно 1,43 сер. в год (таб. VI.18). Все – денежные и натуральные – государственные повинности составляли 3,52 руб. сер. на душу мужского населения» (Благосостояние, с. 317). Подойдём к этому вопросу с другой стороны. Если 3,56 руб. – это оброчная подать, как понимать таблицу VI. 16, в которой на 1841–1858 гг. указан размер оброчной подати от 2,15 до 2,86 руб. сер. (Благосостояние, с. 300), то есть на 0,71–1,41 руб. меньше? Как понимать таблицу VI.17, в которой чёрным по белому напечатано: «налог и оброк в серебряных копейках», «с крестьян», «1841–1850» – «356» (Благосостояние, с. 301)? Причём, как явствует из таблицы, в данном случае под налогом имеется в виду только подушная подать» (А.О., 138).

«Какая ясность мысли! – восклицает Б. Н. Миронов, – Так и вспоминается известная сценка А. Райкина, где герой говорит: «Сила в словах твоих, Федя, есть. Но ты их расставить не можешь. Ты говоришь долго, но не понятно о чём». Я читал это рассуждение А. О. с книгой «Благосостояние» в руках раз десять, чтобы понять его мысль, но тщетно. Наконец, стал сопоставлять страницы из моей книги, на которые оппонент ссылается. И только тогда обнаружил, что А. О. перепутал категории крестьян»⁹².

Подчёркивая ещё раз, что Б. Н. Миронов обошёл стороной мои замечания относительно земских повинностей, после чего уже можно не спорить о динамике эксплуатации государственных крестьян в 1801–1860 гг., я готов всё-таки объяснить, кто и что перепутал.

Как появилась «опечатка»?

Отметив в своей первой статье, что, рассматривая динамику эксплуатации государственных крестьян, Б. Н. Миронов свёл её только к подушной и оброчной подати, которые на 1841–1850 гг. составили 3,56 руб., я вынужден был отметить, что в этом «расчёте не учтены земская, рекрутская, постоянная и дорожная повинности». Указав, что «постоянная, подводная и дорожная повинности равнялись 61,75 коп. сер., земские – 32,1 коп. сер., все вместе 93,9 коп. сер. на мужскую душу, что составляло

---

⁹² Там же. С. 165.

2,1% от общего дохода», автор счёл возможным пренебречь этими повинностями⁹³.

Между тем буквально через несколько страниц в книге говорится, что государственные крестьяне не только «платили оброчную подать (эквивалент оброка у помещичьих крестьян) казне, подушную подать государству на общую сумму 3,56 руб. сер.», но и «несли наравне с помещичьими крестьянами натуральные государственные повинности в переводе на деньги на сумму 3,52 руб. сер. на душу мужского пола»⁹⁴.

Когда в первой статье я указал на это противоречие (в одном случае натуральные повинности оцениваются в 62 коп., в другом – в 3,52 коп.) и поставил вопрос, можно ли пренебрегать суммой, которая почти равна подушной и оброчной подати⁹⁵, Б. Н. Миронов объяснил это опечаткой и внёс в первоначальный текст соответствующую поправку⁹⁶. Сравните:

Книга	Ответ
«В 1849 г. в среднем по 44 губерниям они платили оброчную подать (эквивалент оброка у помещичьих крестьян) казне, <i>подушную подать государству</i> на общую сумму 3,56 руб. сер., и несли наравне с помещичьими крестьянами натуральные государственные повинности – всего на общую сумму в 3,52 руб. сер. на душу мужского населения» (С. 317–318)	«Правильно: В 1849 г. в среднем по 44 губерниям они платили оброчную подать казне 3,56 руб. сер., <i>подушную подать государству</i> и несли наравне с помещичьими крестьянами натуральные государственные повинности – всего на общую сумму в 3,52 руб. сер.» (ВИ. 2011. №4. С.133–134)

Итак, если первоначально (2010 г.) 3,56 руб. – это были оброчная и подушная подать, позже (2011 г.) – только оброчная подать. Если первоначально 3,52 руб. составляли только натуральные повинности, позже – натуральные повинности и подушная подать⁹⁷.

Уяснив это, обратимся к моему тексту, который вызвал у Б. Н. Миронова такие затруднения.

«Данная “опечатка” действительно никак не повлияла на “расчеты и выводы” Миронова. И это как раз странно. “Исходя из незначительности величины натуральных повинностей”, он свел казенные платежи крестьян в 1850-х годах только к подушной подати в размере 95 копеек. А куда делись еще 2,57 руб. (3,52–0,95)?»⁹⁸.

⁹³ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в России: 1-е изд. С. 301–302; *Островский А. В.* О модернизации России... С. 129.

⁹⁴ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в России: 1-е изд. С. 318.

⁹⁵ *Островский А. В.* О модернизации России... С.129.

⁹⁶ *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии. С. 133–134.

⁹⁷ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 2-е изд. С. 260.

⁹⁸ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 138.

Не буду спорить, здесь моя мысль выражена не лучшим образом. Но о чём идёт речь? Если исходить из того, что в новом прочтении натуральные повинности составляли не 3,52 руб., а 2,57 руб., почему они оказались неучтёнными в расчётах Б. Н. Миронова, касающихся государственных крестьян? Ведь это не 62 коп.

Пойдём дальше, «Но если 3,52 руб. – это подушная подать и натуральные повинности, как это согласовать с тем, что, по утверждению самого же Миронова, подушная подать в 1841–1858 гг. была равна 95 коп., а натуральные повинности – 62 коп. (Благосостояние, с. 300, 302, 317), итого 1,57 рубля?»⁹⁹. Что непонятного здесь? В одном случае подушная подать и натуральные повинности составляют 3,52, в другом – 1,57 (0,95+0,62) руб.

«Как тогда следует понимать следующие его слова: “По официальным данным, в 1849 г. в среднем по 44 губерниям Европейской России *все денежные платежи (включая земские повинности) помещичьих крестьян в пользу государства достигали 1,47 руб. сер.* на душу мужского населения, натуральные повинности без рекрутской (постоянная, подводная и дорожная) в переводе на деньги – 62 коп. сер., рекрутская – примерно 1,43 сер. в год (таб. VI. 18). Все – денежные и натуральные – государственные повинности составляли 3,52 руб. сер. на душу мужского населения” (Благосостояние, с. 317)¹⁰⁰.

Мне кажется, и здесь всё ясно. Поскольку в новом прочтении 3,52 руб. – это только подушная подать и натуральные государственные повинности, в этот показатель не могут входить еще и «все денежные платежи (включая земские повинности)». Налицо явное противоречие.

«Подойдем к этому вопросу с другой стороны. Если 3,56 руб. – это оброчная подать, как понимать таблицу VI. 16, в которой на 1841–1858 гг. указан размер оброчной подати от 2,15 до 2,86 руб. сер. (Благосостояние, с. 300), то есть на 0,71–1,41 руб. меньше?»¹⁰¹

Здесь тоже концы не сходятся с концами.

Последний абзац.

«Как понимать таблицу VI. 17, в которой чёрным по белому напечатано: “налог и оброк в серебряных копейках”, “с крестьян”, “1841–1850” – “356” (Благосостояние, с. 301)? Причем, как явствует из таблицы, в данном случае под налогом имеется в виду только подушная подать». (О., 138)¹⁰².

И здесь мы видим противоречие. После исправления опечатки 3,56 руб. – это только оброчная подать. А в таблице – это подушная и оброчная подати вместе взятые.

Как бы Б. Н. Миронов не иронизировал относительности «ясности» моей «мысли» и не уверял читателей, что сумел понять приведенные строки только на одиннадцатый раз, вынужден его разочаровать. И на одиннадцатый раз он ничего не понял. Или же, если понял (а я о нём гораздо выс-

---

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

шего мнения, чем он обо мне), сознательно вводит в заблуждение своих читателей.

Обвиняя меня, Б.Н. Миронов запутался в своих цифрах. Не буду смеяться над ним, не буду вспоминать Аркадия Райкина, не буду апеллировать к И. А. Крылову, отмечу лишь, что правильно расставить цифры в данном случае ему не удалось. Все приводимые им доказательства ослабления эксплуатации государственных крестьян в 1801–1860 гг. не имеют смысла и с «опечаткой», и без «опечатки». Автору сначала нужно разобраться с цифрами, согласовать их друг с другом, а затем уже делать на их основе выводы.

Подобным же образом обстоит дело и с помещичьими крестьянами.

«По мнению А. О., – пишет Б. Н. Миронов, – я *сознательно* преувеличил доходы крестьян в дореформенное время. «Данные о доходах от земледелия он (Миронов. – Б. М.) заимствовал из статьи И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова вместе с допущенной ими ошибкой, в результате которой в состав крестьянского хлеба попал хлеб помещичий (Вопросы истории, 2010, № 10, с. 130). Это обстоятельство Ковальченко и Милов сами признали в 1967 году. Когда Миронов впервые взял на вооружение их данные, Нефёдов обратил его внимание на допущенную ошибку. Тогда её можно было бы считать случайной, повторение же её в рассматриваемой книге имеет **сознательный характер**. (выделено мной. – Б. М.). Может быть, речь идёт о мелочи? Нет, согласно приводимым Мироновым данным, накануне отмены крепостного права в ЦПР и ЦЧР у помещиков было около 45 % всех посевов (Благосостояние, с. 312)» (А. О. с. 139)¹⁰³.

Приведя эту цитату, Б.Н. Миронов сопроводил её следующей убийственной ремаркой: «Здесь горе-критик особенно сильно насмешил»¹⁰⁴. Это тоже, конечно, высшее проявление академической корректности.

«Мною, – пишет Б. Н. Миронов, – как и И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым, оценивался доход лишь **оброчных** крестьян, а не всех помещичьих крестьян в четырех губерниях. В этом случае следовало действительно **весь сбор** хлеба отнести на счёт крестьян, так как *в оброчных имениях и в XVIII – первой половине XIX в. практически вся пахотная земля была отдана помещиками в пользование крестьянам. Доля помещичьих посевов составляла 38 % всех посевов применительно ко всей – оброчной и барщинной помещичьей деревне*»¹⁰⁵.

И далее: «Этот факт настолько хорошо известен профессиональным историкам, что мне казалось, нет нужды об этом упоминать. Но, видно, я заблуждался, если даже доктор исторических наук, защитивший в своё время диссертацию по аграрной истории пореформенной России, этого не знает. Однако если в **научной**

¹⁰³ Миронов Б. Н. Страсти по революции. С. 166.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

монографии объяснять, что дважды два – четыре, а Волга впадает в Каспийское море, то каждая книга будет превращаться в скучную и мало кому интересную энциклопедию»¹⁰⁶.

Тут есть над чем поломать голову.

Какой же в данном случае факт «известен профессиональным историкам», «как дважды два»?

То, что «*в оброчных имениях и в XVIII – первой половине XIX в. практически вся пахотная земля была отдана помещиками в пользование крестьянам*»? Или то, что «*доля помещичьих посевов составляла 38 % всех посевов применительно ко всей – оброчной и барщинной помещичьей деревне*»? Одно утверждение перечеркивает другое.

Для тех, кто не знаком с упоминаемой статьей И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, первое утверждение звучит очень убедительно. Но и у них должен возникнуть вопрос: если всё так просто, почему оба названные авторы сами признали факт преувеличения ими сбора зерновых у оброчных крестьян?

А дело в том, что сведения о посевах и сборах хлебов собирались в рамках уезда лишь с подразделением на крестьянскую и барскую запашку. В первую категорию попадали все крестьяне: и государственные, и удельные, и помещичьи, причём последние не только не выделялись из общей массы крестьян, но и не подразделялись на оброчных и барщинных. По этой причине установить посева и сборы оброчных крестьян невозможно, даже если мы обратимся к архивам¹⁰⁷.

Но дело не только в этом.

В упоминаемой статье И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова нет разделения хлебов на помещичьи и крестьянские, приведены только общие погубернские данные¹⁰⁸. Поэтому деление этих показателей на общее количество душ крестьянского населения имело своим следствием завышение реальных посевов и сборов крестьян, так как в доход крестьян зачислялся хлеб с барской запашки. Именно этот факт и признавали названные авторы.

Может быть, в тех губерниях, о которых идёт речь в книге Б. Н. Миронова, безраздельно преобладали помещичьи крестьяне, а барщина была столь незначительна, что ею можно пренебречь? Нет. Помещичьи крестьяне, находившиеся на издельной и смешанной повинности, составляли в Московской губернии 15,5 % всех и 32 % помещичьих крестьян, в Тверской губернии соответственно 36 и 59%, в Орловской – 46 и 72 %, в Рязанской – 40 и 62 %, в целом по четырём губерниям 34 %

---

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 15–81.

¹⁰⁸ Ковальченко И. Д., Милова Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. 1966. № 4. С. 55–80.

(с учётом всех крестьян) и 58 % (с учётом только помещичьих крестьян)¹⁰⁹.

Из этого явствует, что площадь посева и сбор хлебов оброчных крестьян в четырёх названных губерниях никак не могли быть равными общей площади посева и общему сбору хлебов этих губерний, а включение в крестьянский хлеб помещичьего хлеба не могло не привести к завышению дохода оброчных крестьян от земледелия, как минимум на 34 %.

Это настолько очевидно, что, заявив о необходимости «весь сбор хлеба отнести на счёт крестьян, так как в оброчных имениях и в XVIII – первой половине XIX в. практический вся пахотная земля была отдана помещиками в пользование крестьян» и отнеся этот факт к азбучным истинам, Б. Н. Мировов далее в полном противоречии с этим пишет: «Доля помещичьих посевов составляла 38 % всех посевов применительно ко всей – оброчной и барщинной помещичьей деревне»¹¹⁰, а далее, сделав расчёт, приходит к следующему заключению: «... Доля помещиков в сборе хлебов в 1850-е гг. вряд ли превышала 22 %»¹¹¹.

Значит, всё-таки превышала. О чём тогда спор? И при чём здесь Каспийское море?

А спор, оказывается, о том, что, «сбор хлебов официальной статистикой занижался примерно на 20–30 %». Поэтому «на самом деле мы (так по монаршему Б. Н. Мировов говорит от своего имени. – А. О.) **не преувеличиваем, а скорее, немного занижаем** доход помещичьих крестьян от земледелия»¹¹².

Не буду спорить по поводу приведённых цифр. Однако даже если принять логику Б. Н. Мировова, приводимые им цифры требуется обосновать. Пока такая работа не проделана. Один показатель (22 %) имеет спорный характер, второй (20–30 %) вообще взят с потолка и находится в противоречии с используемым моим оппонентом 10 %-м поправочным коэффициентом.

Поэтому доказать ослабление эксплуатации помещичьих крестьян в 1801–1860 гг. Б. Н. Мировову так и не удалось.

В сборнике «Страсти по революции» Б. Н. Мировов почти полностью обходит стороной наши разногласия по вопросу о динамике эксплуатации крестьян в пореформенную эпоху, относя, видимо, мои возражения на этот счёт к числу не заслуживающих внимания.

Что же это за мелочи?

Первая и самая главная из них сводится к тому, что, рисуя картину ослабления эксплуатации крестьянства в пореформенную эпоху, Б. Н. отвлекся от таких «пустяков», как аренда крестьянами земли, оработки,

---

¹⁰⁹ Там же. С. 75

¹¹⁰ Мировов Б. Н. Страсти по революции. С. 166.

¹¹¹ Там же. С. 167.

¹¹² Там же.

ростовщический кредит, ножницы цен на внутреннем и мировом рынке, и свёл всю эксплуатацию крестьян только к налогам¹¹³.

Такой приём, как отвлечение, используется в науке. Однако, обращаясь к нему, Б. Н. Мионов не только обязан был отметить данный факт, но и обосновать возможность его применения, т. е. доказать незначительность других видов эксплуатации. Поскольку это не было сделано, все его дальнейшие расчёты и рассуждения на эту тему лишены оснований.

К этому следует добавить, что и данные о налогах были использованы им некорректно. Отмечая существование прямых и косвенных налогов и признавая сокращение первых и возрастание вторых, Б. Н. Мионов для доказательства ослабления эксплуатации сконцентрировал своё внимание главным образом на прямых налогах.

Причём, как было показано мною, провозгласив трёхкратное сокращение налогового гнёта после отмены крепостного права, в обоснование этого привёл несопоставимые данные (табл. VI.29 «Тяжесть прямых налогов для крестьян Европейской России в 1850-е и 1877–1900 гг. (доходы и повинности на душу населения в руб. золотом)»)¹¹⁴. Оставив мои замечания на этот счёт без возражений, он воспроизвёл эту таблицу и во втором издании¹¹⁵.

Без возражений оставил Б. Н. Мионов и такие «мелочи», как мои замечания по поводу его аргументации насчёт сокращения тяжести косвенных налогов¹¹⁶. Не удостоил он своего высочайшего внимания мои замечания по поводу числа рабочих и нерабочих дней в деревне¹¹⁷, расходов крестьян на водку¹¹⁸ и т. д.

Всё своё внимание Б. Н. Мионов сконцентрировал только на одной проблеме. «Критический запал и творческий драйв А. О. – пишет он, – достиг своего апогея на двух последних страницах его статьи... Увы, вынужден огорчить А. О. – он опять пришёл, увидел и насмешил, наверное в двадцать первый раз (впрочем, может быть, и большее число раз – я уже сбился со счёта)»¹¹⁹.

Вот, что значит, работать в Академии наук. Какой строго академический, корректный стиль полемики. Сколько солидности. Сразу чувствуется настоящий учёный. С мировым именем. Недаром из под его пера выходят «научные монографии».

---

¹¹³ *Островский А. В.* О модернизации России... С. 133.

¹¹⁴ Там же. С. 133–134.

¹¹⁵ *Мионов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 2-е изд. С. 269.

¹¹⁶ *Островский А. В.* О модернизации России... С. 133; *Его же.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 140.

¹¹⁷ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 141; *Его же.* О модернизации России... С. 135–136.

¹¹⁸ *Островский А. В.* О модернизации России... С.136; *Его же.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 141.

¹¹⁹ *Мионов Б. Н.* Страсти по революции. С. 167.

Далее на трёх с половиной страницах «опровергается» то, чего в моей статье нет, – приписываемое мне утверждение, будто «Миронов ошибся, считая крестьян состоятельнее рабочих (А. О. С. 142)»¹²⁰. В этом нетрудно убедиться, если открыть журнал «Вопросы истории» на указанной странице. Вынужден процитировать весь свой текст на этот счёт.

142-я страница начинается словами: «Беднейших людей, – пишет Миронов, – следует искать среди рабочих, прислуги и люмпенизированных слоёв населения, потому что у крестьян доходы в среднем были выше», «432 руб. на дворохозяина», в то время как «годовые заработки рабочих и прислуги находились в интервале 123–214 рублей». «Доходы меньше, чем 123–214 руб., могли быть у нищих, бродяг, странников, богомолков, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и находившихся в заключении»¹²¹. Причём содержание заключённых определено в 70 руб.

Это изложение соответствующего текста из книги Б. Н. Миронова о благосостоянии. Что же было сказано мною по поводу приведённых слов?

«Трудно поверить, что историк, “имеющий специальную подготовку в области математической статистики” способный отличить коэффициент корреляции от коэффициента регрессии, не понимает, что даже с позиции “метода правдоподобия” так сравнивать нельзя: для крестьян брать доход на двор, а для рабочих и прислуги – на душу самостоятельного населения, «к которому в соответствии с принятыми в то время критериями» им «отнесены лица обоего пола в возрасте 15 лет и старше».

И далее: «Чтобы оценить, к чему ведёт подобный “научный подход”, следует учесть, что согласно используемым Мироновым материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г., самостоятельное население России составляло около 60 % населения страны, на среднюю семью приходилось примерно 6 человек, а на один двор – 3,6 человек самостоятельного населения. Разделим 432 на 3,6, и получим 120 руб. на душу самостоятельного населения. Это означает, что десятки миллионов крестьян, находившихся за установленной Мироновым чертой бедности, были переведены им в разряд лиц со средним достатком...»

Но и это не всё.

Миронов забыл упомянуть, что 432 руб. – это валовой доход крестьянского хозяйства (деталь, хорошо ему известная), а значит, включает в себя производственные издержки. Если сделать поправку на них, «чистый доход» крестьянина опустится до 266 руб. на двор, до 33 руб. на душу всего населения и 55 руб. на душу самостоятельного населения, то есть ниже указанного Мироновым уровня нищих, бродяг и арестантов».

«В состав беднейшей части населения у Миронова не попали кустики, “ежегодный средний душевой заработок” которых Э. Э. Крузе определяла в 133 рубля. Может быть, её книга осталась вне поля зрения моего оппонента? Ничего подобного. Она упоминается им неоднократно.

---

¹²⁰ Там же. С. 167–171.

¹²¹ *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 142.

Приведённый показатель (133 руб.) был получен путём деления стоимости произведённой кустарями продукции на их численность. Между тем, как явствует из таблицы VI.27 упоминаемой книги Миронова, средний семейный доход кустаря составлял 429 руб., что дает около 100 руб. на душу самостоятельного населения и около 60 руб. на одного члена семьи. Если же из стоимости кустарных изделий вычесть производственные издержки, заработная плата кустарей опустится до 88 руб. на душу самостоятельного населения».

«Может быть, кустарей было меньше, чем нищих и бродяг? Вовсе нет. По некоторым, данным, в начале XX века их насчитывалось до 15 млн, то есть вдвое больше той части общества, которую Миронов отнес к беднейшим слоям населения страны и в 30 раз больше нищих, бродяг и арестантов».

«Вызывает удивление и даваемая Мироновым... характеристика основной массы российской бедноты, которую, по его мнению, составляли примерно 7,3 млн рабочих, получавшие в год от 123 до 214 рублей. Судя по источникам, в их число были включены постоянные сельскохозяйственные рабочие, которых, по данным переписи 1897 г., насчитывалось 2,6 млн человек. Между тем, как явствует из материалов “Комиссии центра”, годовая плата постоянным сельскохозяйственным рабочим на хозяйских харчах составляла в 1870-е годы – 56,8 руб. в год, 1880-е – 62,3 руб. 1890-е – 61,8 руб. Если прибавить стоимость «харчей», которые в 1881–1891 гг. оценивались в 46 руб., получим не более 108 рублей. Но это касается только мужчин. Заработная плата женщин не достигала даже 80 руб. в год»¹²².

Главная моя мысль заключается не в том, что Б. Н. Миронов ошибся, указывая, что крестьяне были состоятельнее рабочих (эту проблему я вообще не рассматривал), а в том, что, сопоставляя несопоставимые данные (доход на двор и доход на душу самостоятельного населения), он завысил уровень жизни крестьян почти в три раза и исключил из числа наименее обеспеченного населения страны другие, кроме выделенных им, социальные группы.

В результате Б. Н. Миронов увёл спор в другую сторону, приём который используется им неоднократно, но почему-то не включён им в его «советы начинающим фальсификаторам»¹²³.

Почему же Б. Н. Миронов предпочёл увести спор в сторону? Объяснение этого мы находим во втором издании его книги о благосостоянии. Формально он никак не отреагировал на нашу полемику. Однако в понимании рассматриваемой им проблемы сделал значительный шаг вперёд.

Он признал некорректность проделанного им сопоставления доходов крестьян и других беднейших слоёв населения и внёс в свой первоначальный текст существенные коррективы. Сравните:

Первое издание	Второе издание
----------------	----------------

¹²² *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России. С. 142.

¹²³ *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. С. 173–176.

<p>«Беднейших людей следует искать среди рабочих, прислуги и люмпенизированных слоев населения, потому что у крестьян...годовой доход...в среднем равнялся 432 руб. на дворохозяина». «Годовые заработки рабочих и прислуги находились в интервале 123–214 рублей». «Доходы меньше, чем 123–214 руб., могли быть у нищих, бродяг, странников, богомолков, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и находившихся в заключении» (С. 655)».</p>	<p>«Беднейших людей в позднеимперской России следует искать среди люмпенизированных слоев, прислуги и рабочих, потому что у крестьян доходы в среднем были выше, чем у пролетариев. По результатам обследования 1885–1901 гг. 278 крестьянских бюджетов, учитывающих не только денежные, но и натуральные доходы, их годовой доход по заниженной оценке в среднем равнялся 595 руб. на двор или около 178 руб. на работника, а за вычетом расходов на производственные нужды – примерно 150 руб. в ценах 1901–1904 гг.» (С. 599)</p>
---	--

Что сразу же бросается в глаза? Исправление допущенной ошибки повлекло за собой сокращение доходов крестьянского населения почти в три раза (с 432 до 150 руб.), в результате чего они опустились ниже границы бедности – 214 руб., установленной в первом издании книги.

Однако переход крестьян из разряда лиц со средним достатком в разряд самой бедной части населения не состоялся, так как во втором издании книги Б. Н. Миронов сделал поразительный шаг навстречу своим оппонентам – он понизил (правда, без всякого объяснения) порог бедности более чем в два раза: с 214 до 95 рублей¹²⁴.

Считая такой шаг приближением к истине и выражая удовлетворение по этому поводу, в то же время приходится констатировать, что и новый подход к этой проблеме вызывает вопросы.

В первую очередь это касается среднего дохода крестьянской семьи, который непонятным образом увеличился с 432 до 595 руб., т. е. на 163 руб., или же почти на 40 %, хотя и в первом, и во втором изданиях при этом дана ссылка на один и тот же источник – Материалы комиссии центра 1901 г.¹²⁵

Нет во втором издании книги и объяснения того, почему её автор заменил прежний показатель – доход на душу самостоятельного населения, «к которому в соответствии с принятыми в то время критериями [им были] отнесены лица обоого пола в возрасте 15 лет и старше»¹²⁶ – показателем дохода на одного работника¹²⁷.

Нет во втором издании ответа и на вопрос, на основании чего автором была установлена средняя численность работников – 3,34 человека на крестьянскую семью (595:178=3,34)?

Между тем, по данным переписи 1897 г., общая численность населения империи составляла 125 млн чел., а к самостоятельному населению Б. Н. Мироновым первоначально было отнесено 77,8 млн. или же 62 % всего на-

¹²⁴ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 2-е изд. С. 601.

¹²⁵ Там же: 1-е изд. С. 325; 2-е изд. С. 599, 670 (сноска 155)

¹²⁶ Там же: 1-е изд. С. 655.

¹²⁷ Там же: 2-е изд. С. 599.

селения. Если взять средний состав семьи 6 человек¹²⁸, самостоятельное население можно определить в количестве 3,6 чел., если взять состав семьи на основании использованных Б. Н. Мироновым бюджетов, 8 человек¹²⁹, это даст 4,8 человек самостоятельного населения. Разделим 595 руб. на первый показатель и получим 165 руб., разделим на второй получим 124 руб.

Но это общий или валовой доход, из которого следует вычесть ту часть производственных издержек, которая определяется понятием «постоянный капитал». Прделав такую операцию, Б. Н. Миронов сократил крестьянский доход на одного работника с 178 руб. до 150 руб.¹³⁰ Получается, что указанные производственные издержки составляли всего лишь 16% (178–150=28:178). Показатель сомнительный и ничем не обоснованный.

Если же обратиться к используемым Б. Н. Мироновым бюджетам, производственные расходы следует увеличить, как минимум, до 38%. Сделаем поправку на это, и показатель 178 руб. уменьшится до 110 руб., показатель 165 руб. сократится до 102 руб., показатель 124 руб. – до 77 руб.

Следовательно, и на этот раз Миронов завысил средний доход крестьянина (в полтора–два раза). Но тогда получается, что в первом случае (110 руб.) жизненный уровень крестьян был лишь на 12 % выше нового порога бедности, во втором случае (102 руб.) – на 7 %, в третьем (77 руб.) – на 19 % ниже порога бедности:

Первое издание (С.656)		Второе издание (С.601)	
Социальные группы	Доход, руб.	Социальные группы	Доход, руб.
Фабрично-заводские рабочие	214	Промышленные рабочие (женщины и дети)	95
Прочие рабочие	200	Поденщики и чернорабочие	74
Прислуга и поденщики	123	С/х рабочие	65
Нищие бродяги, арестанты и пр.	70	Нищие, бродяги, призреваемые и пр.	55
Все беднейшее население	161	Все беднейшее население	77,7

Взяв в первом издании в качестве черты бедности 214 руб., Б. Н. Миронов утверждал, что ниже 70 руб. (стоимость содержания арестантов) доход не опускался даже «у нищих бродяг, странников, богомоллов, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и находящихся в заключении»¹³¹. Во втором издании Б. Н. Миронов исключил из состава этой социальной группы заключённых и понизил её доход до 55 руб.

Этим самым он признал, что в дореволюционной России были лица, которые жили хуже арестантов. Кроме нищих, бродяг и призреваемых в богадельнях, он счёл необходимым отнести к ним сельскохозяйственных

¹²⁸ Там же: 1-е изд. С. 645, 655. См. также: *Миронов Б. Н.* Историческая социология России. СПб., 2009. С. 140.

¹²⁹ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: 1-е изд. С. 325.

¹³⁰ Там же: 2-е изд. С. 599.

¹³¹ Там же: 1-е изд. С. 655–656.

рабочих – 65 руб. К этому уровню, по его данным, приближалась заработная плата поденщиков и чернорабочих – 74 руб., а также заработная плата женщин и детей в промышленности – 95 руб.

Между тем если доход арестантов, нищих, бродяг и призываемых в богадельнях – это доход на душу населения, то доход трёх указанных категорий рабочих дан только на работников. Если же принять во внимание неработающих членов семей (как минимум, 38 % населения), мы получим следующие данные: промышленные рабочие – 59 руб., поденщики и чернорабочие – 46 руб., сельскохозяйственные рабочие – 41 руб. на душу населения.

Иначе говоря, фактически все четыре выделенные Б. Н. Мироновым группы самых беднейших людей страны имели на душу населения менее прожиточного минимума арестантов – 70 руб.

Много ли было таких лиц?

Первое издание (С. 656)		Второе издание (С. 601)	
Социальные группы	Тыс. Чел.	Социальные группы	Тыс. Чел.
Фабрично-заводские рабочие	804	Промышленные рабочие (женщины и дети)	3476
Прочие рабочие	3140	С/х рабочие	2995
Прислуга и поденщики	3332	Поденщики и чернорабочие	1232
Нищие бродяги, арестанты и пр.	457	Нищие, бродяги, призываемые и пр.	787
Все беднейшее население	7733	Все беднейшее население	8490

В первом издании самая обездоленная часть российского общества, имевшая в год около 70 руб. на душу населения, составляла всего лишь 0,5 млн чел. Беднее их в дореволюционной России не было никого. Если же исходить из новых данных, приведённых Б. Н. Мироновым во втором издании его книги, 8,5 млн человек самостоятельного населения жили хуже арестантов.

В результате этого средний доход 10 % самых бедных людей снизился с 161 до 78 руб., а общий доход с 1 241 922 тыс. руб.¹³², до 659 328,8 тыс. руб.¹³³

Можно было бы подумать, что в связи с этим дециальный коэффициент увеличится с 5,8 (934:161=5,6) до 12,0 раз (934:78=12,0). Однако, откорректировав свои первоначальные данные о материальном положении самых бедных 10 %, Б. Н. Миронов одновременно откорректировал и данные об имущественном состоянии самых богатых 10 %: общее их количество увеличилось, а общий доход сократился с 7220 до 4186 млн руб. (сравните таблицу XII.19, первом издании, и таблицу 12.20 во втором издании):

¹³² Там же: 1-е изд. С. 656.

¹³³ Там же: 2-е изд. С. 601.

Первое издание (С. 657)				Второе издание (С. 605)			
Группы	Доход, руб.	Лица, тыс.	Всего, млн. руб.	Группы	Доход, руб.	Лица, тыс.	Всего, млн. руб.
Более 1000	6070	405	2456,5	Более 500	2130	809	1723,8
До 1000	650	7328	4763,5	До 500	320	7681	2461,7
Всего	934	7733	7220,0	Всего	493	8490	4185,5

На основании чего и как были составлены две названные таблицы, можно только предполагать. Судя по всему, в их основе лежат две публикации: «Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 0453» и «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С. XXXV»¹³⁴.

Однако на указанных автором страницах этих изданий ни одной из содержащихся в таблице XII.19 цифр нет. По всей видимости, они были получены расчётным путём. Но тогда автор обязан был изложить методику расчётов. Особенно это касается лиц, имевших доход менее 1000 руб., так как в издании Министерства финансов «Опыт исчисления» сведений о таких лицах вообще отсутствуют.

Как был получен первый показатель общего дохода самой богатой части населения России – 7220 млн руб. мы не знаем. Методика определения второго показателя – 4186 млн руб. – сводится к следующему. Взяв за основу данные П. Грегори о чистом национальном продукте (12316 млн руб.), автор вычел из него доход самой бедной части населения (659 млн руб.) и определённый им доход 80% самостоятельного населения, занимающего среднее положение между крайними децильными группами (67,9 млн чел., 7471 млн руб.) и получил остаток – 4186 млн руб.¹³⁵

Но, увлечшись проблемой децильного коэффициента, Б. Н. Миронов не придал значения тому, что в результате его расчётов средний доход 80% населения, находящегося между двумя крайними децильными группами опустился до 110 руб. на душу самостоятельного и ниже 70 рублей (т. е. ниже содержания арестанта) на душу всего населения¹³⁶.

Из этого вытекают два принципиально важных вывода.

Получается, что а) в первом издании книги уровень жизни 90% населения страны был завышен в несколько раз и б) в действительности уровень жизни 90% населения страны почти не отличался от уровня жизни арестантов.

Вот, оказывается, каковы те «впечатляющие успехи», которых «Россия добилась в 1861–1914 гг.»¹³⁷

Как тут не вспомнить унтер-офицерскую вдову.

4

¹³⁴ Там же: 1-е изд. С. 656.

¹³⁵ Там же: 2-е изд. С. 604.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же: 1-е изд. С. 13–16.

Несмотря на использование Б. Н. Мироновым недопустимых приёмов полемики, я гораздо большего мнения о его способностях, чем он о моих.

Поэтому после первого же прочтения его «научной монографии» о благосостоянии, у меня возник вопрос: почему автор с достаточно высоким творческим потенциалом написал столь неудачную, на мой взгляд, работу?

Ответ на этот вопрос Б. Н. Миронов даёт сам в предисловии к своей книге. Оказывается, он обратился к вынесенной на обложку книги теме не для того, чтобы разобраться, как развивалась Россия накануне 1917 г. и почему в ней произошла революция, а для того, чтобы создать привлекательный образ России, который бы облегчил ей вхождение в Европу. Независимо от того, как мы будем оценивать эту цель – это цель не научная, а политическая¹³⁸.

Если бы подобные слова были приведены в заключение книги как итог рассмотрения фактического материала, с ними можно было бы спорить, но за них нельзя было бы упрекать их автора как исследователя. Но когда он начинает своё «исследование» с заявления о том, *что* он собирается доказывать (обращаю внимание: доказывать, а не выяснять), что эти доказательства нужны для решения определённых политических (а не научных) проблем, это можно рассматривать только как социальный заказ.

Бросается в глаза и откровенная неправда в объяснении пересмотра своих прежних представлений.

«... До начала самостоятельного изучения проблемы благосостояния, – пишет Б. Н. Миронов в своей книге, – я разделял господствующее в отечественной и зарубежной историографии мнение о снижении уровня сельскохозяйственного производства и понижающемся вследствие этого уровне жизни российского населения в XIX – начале XX в. *Новые данные, обнаруженные мной, заставили меня отказаться от этой парадигмы, о чём я сообщил научному сообществу*»¹³⁹.

Что же это за данные удалось обнаружить Б. Н. Миронову к этому времени? «В своей предыдущей книге “Социальная история России периода империи”, – пишет Б. М., – я коснулся многих стереотипов о России, но не смог рассмотреть один из самых стойких – о непрерывном обеднении населения». Почему? «*У меня не было тогда адекватного инструмента для оценки динамики благосостояния населения*». «*Наконец, такой источник нашёлся – это антропометрические данные*»¹⁴⁰.

Из этого следует, что упомянутый источник «нашёлся» после того, как была издана «предыдущая книга» – «Социальная история России периода империи», первое издание которой увидело свет в 1999 г., второе в 2000 г., третье – в 2003 г.

Однако любой желающий может открыть первое издание этой книги и во втором томе обнаружить те самые «антропометрические данные», ко-

---

¹³⁸ Там же. С. 13–16.

¹³⁹ Там же. С. 139.

¹⁴⁰ *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: 1-е изд. С. 16.

торые якобы заставили Б. М. пересмотреть «один из самых стойких» стереотипов¹⁴¹.

«Мы, – писал Б. Н. Миронов уже в 1999 г., – располагаем сведениями о длине тела рекрутов, измеренных в 1740–1927 гг., о длине тела мужского населения из среды городских и сельских жителей, измеренных в 1881–1981 гг.»¹⁴². Это означает, что уже тогда Б. М. имел данные о рекрутах примерно с 1717 г. рождения и о новобранцах примерно до 1916 г. рождения, т. е. за 200 лет. При этом в его распоряжении были не только индивидуальные, но и «суммарные данные о росте *всех призывников за 1840–1893 гг.*»¹⁴³. «*За 1840–1855 и 1874–1912 гг. мы, – писал он в 1999 г., – располагаем суммарными данными о росте всех рекрутов империи*»¹⁴⁴.

Это означает, что «адекватный инструмент для оценки динамики благосостояния населения» был в распоряжении Б. Н. Миронова уже к 1999 г. Но в таком случае произведённый им пересмотр «одного из самых стойких стереотипов» был вызван совершенно другими причинами, которые не имеют никакого отношения к науке, иначе их не нужно было бы скрывать таким поразительным по своему неуважению к читателям способом.

Список литературы

1. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. 1966. № 4.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.: в 2 т.): 1-е изд. СПб., 1999. Т. 2.
3. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.: в 2 т.): 2-е изд. СПб., 2000. Т. 2.
4. Миронов Б. Н. Бремя величия. Военные победы и уровень жизни россиян в XVIII в. // Родина. 2001. № 9.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т.: 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2.
6. Миронов Б. Н. Антропометрический поход к изучению благосостояния населения России в XVIII в. // Отечественная история. 2004. № 6.
7. Миронов Б. Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в // Урал. ист. сб. 2008. № 3.
8. Миронов Б. Н. Жизненный уровень населения России в XIX – начале XX в. // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 2, История. 2009. Вып. 1. Ч. 1.
9. Миронов Б. Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах русской революции. М., 2009.
10. Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб., 2009.

¹⁴¹ Миронов Б. Н. Социальная история России: 1-е изд. СПб., 1999. Т. 2. С. 335–356.

¹⁴² Там же. С. 338.

¹⁴³ Там же. С. 339.

¹⁴⁴ Там же. С. 340.

11. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века: 1-е изд. М., 2010.
12. *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века: 2-е изд. М., 2012.
13. *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропологии // Вопросы истории. 2011. № 4.
14. *Миронов Б. Н.* Как ошельмовать книгу // *Миронов Б. Н.* Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.
15. *Нефёдов С. А.* Россия в плену виртуальной реальности // О причинах революции. М., 2010.
16. *Нефёдов С. А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5.
17. *Нифонтов А. С.* Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974.
18. *Островский А. В.* О модернизации России в книге Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10.
19. *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 6.
20. *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX–XX в. СПб., 2013.

BOOK OF B. N. MIRONOV «STRASTI PO REVOLYUTSII» («PASSION FOR REVOLUTION») AS A MODEL FOR SCIENTIFIC CRITICISM

A. V. Ostrovskii

The Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after Prof.
M. A. Bonch-Bruyevich

The article represents a response to the book Boris Mironov's «Strasti («Passion») of the revolution». The article not only draws attention to the unacceptable in the scientific community form the controversy by Boris Mironov, not only shows that he is gone from the discussion of a number of critical issues, not only notes that, taking the path as adjusted their previous matches assertions, it is in conflict with intrinsic same allegations, but refuted his new arguments.

Keywords: agrarian history, historical anthropology, capitalism, farmers, modernization of Russia, trespass, the revolution in Russia, agriculture, social stratification, the standard of living

Об авторе:

ОСТРОВСКИЙ Александр Владимирович – Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч Бруевича, доктор исторических наук, e-mail: a.ostrovskij@yandex.ru

About the authors:

OSTROVSKII Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, The Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruyevich (193232, Prospect Bolsheviks, 22, building 1, St.Petersburg), e-mail: a.ostrovskij@yandex.ru

References

- Koval'chenko I. D., Milov L. V. Ob intensivnosti obrochnoi ekspluatatsii krest'yan Tsentral'noi Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. // Istoriya SSSR. 1966. № 4.
- Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.: 1-e izd. SPb., 1999. T. 2.
- Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.: 2-e izd. SPb., 2000. T. ??
- Mironov B. N. Bremya velichiya. Voennye pobedy i uroven' zhizni rossiyan v XVIIIv. // Rodina. 2001. № 9.
- Mironov B. N. Antropometricheskii pokhod k izucheniyu blagosostoyaniya naseleniya Rossii v XVIIIv. // Otechestvennaya istoriya. 2004. № 6.
- Mironov B. N. Dostatochno li proizvodilos' pishchevykh produktov v Rossii v XIX – nachale XX v // Ural. ist. sb. 2008. № 3.
- Mironov B. N. Zhiznennyi uroven' naseleniya Rossii v XIX – nachale XX v. // Vestn. SPb. un-ta. Ser. 2, Istoriya. 2009. Vyp. 1. Ch. 1.
- Mironov B. N. Lenin zhil, Lenin zhiv, no vryad li budet zhit' // O prichinakh russkoi revolyutsii. M., 2009.
- Mironov B. N. Istoricheskaya sotsiologiya Rossii. SPb., 2009.
- Mironov B. N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka: 1-e izd. M., 2010.
- Mironov B. N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka: 2-e izd. M., 2012.
- Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.: 3-e izd. SPb., 2003. T. 2.
- Mironov B. N. Strasti po istoricheskoi antropometrii // Voprosy istorii. 2011. № 4.
- Mironov B. N. Kak oshel'movat' knigu // Mironov B. N. Strasti po revolyutsii. Nruy v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii. M., 2013.
- Nefedov S. A. Rossiya v plenu virtual'noi real'nosti // O prichinakh revolyutsii. M., 2010.
- Nefedov S. A. Uroven' zhizni naseleniya v dorevol'yutsionnoi Rossii // Voprosy istorii. 2011. № 5.
- Nifontov A. S. Zernovoe proizvodstvo v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. M., 1974.

Ostrovskii A. V. O modernizatsii Rossii v knige Mironova // Voprosy istorii. 2010. № 10.

Ostrovskii A. V. K itogam spora ob urovne zhizni v dorevolyutsionnoi Rossii // Voprosy istorii. 2011. № 6.

Ostrovskii A. V. Zernovoe proizvodstvo Evropeiskoi Rossii v kontse XIX–XX v. SPb., 2013

Статья поступила в редакцию 20.12.2012